

М.П. Котюрова

РЕДАКТИРУЮЩЕЕ ЧТЕНИЕ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: научный текст; эталонный конструкт «научный текст»; редактирование текста; параметры конструкта: дискретность мысли – линейность речи, дискретность текстовых единиц – континуальность их объединений, прерывистость мысли – связность речи, монолитность содержания – выдвижение отдельных смыслов.

Статья посвящена технологии редактирования научного текста, осуществляемого посредством целостно-композиционного сопоставления конкретного текста с эталонным конструктом «научный текст».

Котюрова

Мария Павловна – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и стилистики филологического факультета Пермского государственного университета

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 05-04-82408а/У «Научный дискурс в аспекте стереотипности и креативности»).

© М.П. Котюрова, 2008

Порождение научного текста обычно (если бы всегда!) заканчивается редактированием, или доведением его до готовности к публикации. Редактирование текста – особый когнитивный процесс, при котором доминантой является внимание на тексте, его форме и содержании: автор (или редактор) стремится улучшить текст, гармонизировать отношения между его содержанием и формой. Здесь редактор испытывает потребность в технологии совершенствования текста, или **технологии редактирования** именно научного текста.

Редактирование является результатом, продуктом такого чтения, в основе которого лежит целостно-композиционное мышление автора (при редактировании своего текста) или редактора.

Целостно-композиционное мышление редактора – открытая структура, ассимилирующая в себе гипотетические позиции (установки) автора и читателя, возможные приемы и способы мышления, а также прогнозирующая использование тех или иных языковых средств для выражения содержания. Легко видеть, что это структура, во-первых, двух-полюсная, поскольку объединяет две позиции – автора и читателя. Действительно, редактор должен «проникнуть» в процесс мысли автора, чтобы быть не только участником этого процесса (сомышления), но и помощником автора. Вместе с тем редактор улучшает текст во благо читателя, чтобы именно читатель понял текст адекватно замыслу автора, извлек из текста заложенную в нем информацию. Отсюда вытекает, что «конструкция» целостно-композиционного мышления редактора строится на

двухполюсной основе, т.е. с учетом позиции как автора (при порождении текста), так и читателя (при его восприятии). Во-вторых, это структура, объединяющая мышление и речь/текст – отнюдь не адекватные процессы, требующие «переключения» с одного на другой и учета специфики каждого из них. В-третьих, целостное мышление редактора с необходимостью использует такой когнитивный инструмент, как оперативная и долговременная память.

Представляется, что целостно-композиционное мышление редактора – это также механизм, действующий в рамках преодоления антиномий (адресант – адресат речи, мыслительный процесс – рече-текстовый продукт, контактные – дистантные единицы текста и др.). Этот механизм функционирует посредством «переключения» внимания человека с позиции автора на позицию читателя, посредством особенностей, с одной стороны, научного творческого мышления, с другой – порождения научного текста (речи), а также посредством «переключения» внимания с актуального/ых компонента/ов текста, контактно расположенных на текстовом пространстве, на дистантные компоненты текста. Важно подчеркнуть, что в результате действия такого механизма – целостно-композиционного мышления редактора – выявляются и устанавливаются речевые погрешности.

Анализ текстов статей, монографий, авторефератов диссертаций, опубликованных в последние 10–15 лет, показал, что шквал речевых погрешностей захлестывает и дискредитирует безвинный научный стиль речи. Под *речевыми погрешностями* мы понимаем отступления от функционально-стилевых норм, обусловленных законом смыслового согласования (прежде всего на основе абстрактности/конкретности лексических значений), линейностью речи, контактным либо дистантным расположением сегментов речи, подчеркнутой логичностью и связностью научного изложения.

Нетрудно представить себе, что, в отличие от «школьных» орфографических и пунктуационных ошибок, многие рассматриваемые нами речевые погрешности поддаются выявлению действительно лишь при целостном внимании – с одной стороны, жестко фокусированном на отдельном компоненте текста (синтагме, высказывании), с другой – на всем (данном) уже прочитанном тексте как контексте.

В данной статье рассмотрим речевые погрешности, стремясь установить *причины* их возникновения, т.е. объяснить, почему автор допустил эти погрешности, не исправил их, по-видимому, не обратил на них внимания, считая соответствующими норме научного стиля речи. Мы исходим из того, что редактировать (исправлять, совершенствовать) научный текст, свой или чужой, может специалист, у которого сформировано представление об эталонном конструкте, называемом *научный*

текст. Только в этом случае можно «наложить» конкретный текст на эталонный и выявить неудачи, погрешности. Сравнение реального текста с ирреальным, эталонным – путь поиска более точной формы для определенного научного знания.

Нам представляется, что понятие эталонного конструкта *научный текст* имеет достаточно гибкое содержание, поскольку связано с индивидуальным представлением о таком конструкте творческой личности автора-редактора своего текста или редактора чужого текста. Однако уточним: вопрос об индивидуальности редактора остается за пределами данной статьи. Здесь же мы остановимся лишь на самых общих параметрах эталонного конструкта как интерпретативной модели научного текста. Этот конструкт функционально ориентирован на интерпретацию данного, реального текста относительно его соответствия эталонному конструкту, т.е. удовлетворения параметрам этого конструкта и, в конце концов, на *совершенствование* готового текста в результате целостно-композиционного редактирующего чтения. Эталонная модель научного текста конструируется на основе действия механизма целостно-композиционного мышления редактора и охватывает прежде всего следующие параметры:

- дискретность мысли и линейность речи;
- дискретность линейно-текстовых единиц и континуальность их объединений по смыслу;
- прерывистость мысли и связность речи;
- монолитность содержания и актуализация (выдвижение) отдельных компонентов смысла;
- связь начала и конца, конца и начала текстовых единиц и другие.

Надо сказать, что все эти параметры осознанно или неосознанно имеют место в когнитивном пространстве редактора, поскольку восприняты им из эмпирического материала, конвенциональных справочников, лингвистических описаний. Объединенные в эталонный конструкт научного текста, эти параметры целостного мышления редактора глобализируют собственно редакторскую деятельность, структурируют ее «стратегически» и «тактически», подчиняя все мыслительные операции одной – контролирующей соответствие текста этой модели или отступления от нее.

Рассмотрим названные выше параметры конструкта (научного текста), выполняющего интерпретативную функцию в когнитивном пространстве редактора.

Дискретность мысли – линейность речи. Эти свойства речевого мышления проявляются в неразрывной дополнительности. Линейность все связывает; см. в пространстве: дом, тень от дома, дорожка, идущий человек, кепка на нем, пыльный воздух...; Улица. Фонарь. Аптека; см. во времени: Аннушка уже пролила масло...

Дискретность концентрирует «вещи в себе», отделяет нечто от всего, позволяет квалифицировать это нечто как предмет, признак, действие, а затем «манипулировать» им в когнитивно-прагматических целях. При этом важно, что отдельные дискретные единицы мысли предпочтительнее разворачивать в последовательно связанные, а не замкнутые, «кольцевые» линейные структуры. Последовательные структуры в большей степени «приспособлены» к восприятию содержательной стороны таких конструкций. Кольцевая же структура «разветвленных» предложений препятствует легкому восприятию.

См. также: *В работах П.А. Соболевой динамика словообразовательного процесса, представленная в пошаговом присоединении словообразовательных формантов к основе («присоединение функции к аргументу») и связанная со степенью сложности словообразовательных структур слов, **предстает** в 16 типах деривационных шагов.*

На наш взгляд, этот «квант» мысли можно оформить в линейном отношении несколько иначе, если автор «пойдет навстречу» читательскому восприятию и приблизит дистанцированное сказуемое *предстает* к подлежащему динамика: *Динамика словообразовательного процесса может быть представлена в пошаговом присоединении словообразовательных формантов к основе («присоединение функции к аргументу») и связана со степенью сложности словообразовательных структур слов. В работах П.А. Соболевой динамика словообразовательного процесса предстает в 16 типах деривационных шагов.*

Еще пример – с дистанцированным управляемым дополнением, также затрудняющим восприятие текста:

*Языковая личность находит свою систему понятийно-языковых координат, выработанных веками, **обусловленных** общностью происхождения, общностью исторических судеб, общностью культурных ценностей и традиций, общностью языка, эмоциональных и символических связей, общностью территории, дополняемых общностью психического склада и тех условий, в которых происходит межпоколенная передача опыта, т.е. **тем**, что в концепции Ю.Н. Караулова определяется как базовые (инвариантные) признаки русской языковой личности...*

С учетом коммуникативных интересов адресата это вполне правильное в синтаксическом отношении предложение предпочтительнее изменить следующим образом:

*Языковая личность находит свою систему понятийно-языковых координат, выработанных веками, **обусловленных тем**, что в концепции Ю.Н. Караулова определяется как базовые (инвариантные) признаки русской языковой личности. К ним относятся общность происхождения, общность исторических судеб, общность культурных ценностей и тра-*

диций, общность языка, эмоциональных и символических связей, общность территории, дополняемые общностью психического склада и условий межпоколенной передачи опыта.

Дискретность линейно-текстовых единиц и континуальность их объединений на смысловой основе мы соотносим с возможностью членения текста с учетом – преимущественно – либо линейности, либо дискретности рече-мышления. Линейно «вытянутая» речь, как известно, членится на сверхфразовые единства, предложения (высказывания, в которых можно рассмотреть словосочетания), синтагмы, а также отдельные лексемы; все эти и другие единицы выражают не только «каждая свое» содержание, но и целостное, не равное сумме содержания этих единиц, т.е. по существу членимое лишь условно, в целях анализа. Континуальность рече-мышления мы понимаем в аспекте содержания текста, которое можно рассматривать в разных ракурсах, дифференцируя его на разных основаниях, выявляя средства выражения тех или иных установленных по воле интерпретатора компонентов, объединяя эти средства и в результате получая именно континуальные единицы текста. Такие единицы не имеют четких границ, поскольку эксплицируются полифункциональными языковыми единицами, «рассеянными» по текстовому пространству. «Точечный» характер их функционирования в тексте обуславливает их разрозненность, разбросанность, нелинейность, континуальность, в то время как семантическая надтекстовая близость этих языковых единиц позволяет представить их в виде определенных континуумов, объединенных в особые текстовые единицы, описанные в литературе как субтексты [Баженова, 2001]. Субтекст – это относительно самостоятельная структурно-смысловая единица целого научного текста, являющаяся средством речевой реализации эпистемической (познавательной) ситуации. Мы совершенно согласны с концепцией Е.А. Баженовой относительно политекстуальной структуры произведения, которая «позволяет автору разграничивать старое и новое знание, активизировать фоновые знания читателя, акцентировать внимание на этапах и способах решения проблемы, “включать” в работу механизм оценки, управлять процессом восприятия текста» [там же, с. 83].

В культурно-речевом плане существенно то, что для экспликации установленных компонентов смысловой структуры целого научного произведения в языке сформировался широкий ассортимент лексических, лексико-грамматических и синтаксических единиц, составляющих различные по составу синонимические ряды. Предполагается, что в процессе порождения текста автор широко пользуется синонимическим богатством, имеющимся в языковой системе, «расцветивая» текст разнообразными речевыми единицами, а не обедняя его повторением излюбленных

выражений, представляющим собой речевой недочет. К таким текстовым недочетам относится неоднократно повторяемое (и уже потому нецелесообразное, избыточное) употребление слов-дейктик (слов, относящихся к предшествующему контексту) типа *указанный, данный, вышеназванный, вышеприведенный* и т.п., а также тех или иных конструкций связи типа *можно отметить, что; следует подчеркнуть, что; необходимо сказать что* и мн. др.

Приведем пример многократного повторения одной и той же конструкции с незначительными вариациями.

– *Динамика внутрисубстантивного словообразования отражена в целях...*

Следует отметить, что первая ступень выступает конечной... (N) отмечает, что внутрисубстантивное словообразование...

Как отмечается в социальных исследованиях...

Все же следует отметить, что...

В целом же можно отметить, что продвижение внутрисубстантивной деривации...

В целом же можно отметить, что десубстантивные существительные...

В целом можно отметить, что...

Можно отметить, что...

(N) отмечает, что...

В целом же можно отметить, что конкретно-предметные имена чаще продуцируют глаголы активной семантики...

Следует отметить, что пассивные в деривационном отношении группы глагольной лексики не абсолютны в этом качестве... (N) отмечает, что...

Так, можно отметить лишь некоторые оттенки пространственного значения...

Следует отметить, что...

Можно проследить...

Отметим значения прилагательных...

Можно отметить, что внутрикатегориальное словообразование существительных и десубстантивных прилагательных резко снижает деривационные потенции данных частей речи. ...

Мы рассмотрели здесь лишь те погрешности письменной научной речи, которые можно выявить только при внимании к широкому контексту в его целостности, т.е. охватив его «единым взглядом». В контексте одного предложения либо – еще уже – словосочетания при фиксированном на этих единицах внимании, естественно, описанные выше отклонения от научно-стилевой нормы оказываются незамеченными. Напротив, только в широком контексте и можно обнаружить такие отклонения, как, с одной стороны, избыточность, с другой – неполнота единиц, выра-

жающих связь самостоятельных предложений, неправильное использование грамматических форм (глаголов), организующих отдельные предложения в *связный* текст.

Следуя концепции Е.А. Баженовой, легко увидеть, что в приведенном примере реализуется субтекст адресации, поскольку выделенные полужирным шрифтом языковые единицы ориентированы в тексте на управление вниманием адресата, членение научной информации.

Эти языковые единицы названы Е.А. Баженовой операторами (сигналами, маркерами) адресации. Интересно, что в современных научных текстах операторы адресации представлены широким кругом устойчивых, воспроизводимых, «готовых к употреблению» разноуровневых языковых, а также собственно текстовых средств, относящихся к универсальным «упаковочным формам» научного содержания. По мнению Е.А. Баженовой, «в корпусе текста операторы адресации образуют особую полифункциональную речевую структуру – субтекст адресации, который 1) “надстраивается” над собственно научным содержанием, оформляя его в виде информативно ясного речевого сообщения; 2) обеспечивает связь контактно или дистантно расположенных фрагментов текста, одновременно актуализируя динамику научной мысли автора в ходе решения проблемы; 3) эксплицирует логико-композиционную организацию текстового пространства; 4) маркирует наиболее значимые фрагменты излагаемого знания; 5) управляет вниманием читателя с целью адекватного восприятия интеллектуального содержания» [Баженова, 2001, с. 210–211]. Важно подчеркнуть, что все эти функции субтекста адресации обеспечиваются в тексте благодаря использованию именно разнообразных языковых и текстовых единиц. Редактирующая воля автора и способна организовать целесообразный отбор языковых единиц для содействия адекватному восприятию мысли автора читателем.

Это обобщение можно отнести к выражению и других стереотипных субтекстов научного текста, о которых пишет Е.А. Баженова. Она, в частности, рассматривает такие единицы смысловой структуры научного текста, как: субтекст нового (авторского) знания; субтекст старого (предпосылочного, но связанного с новым) знания; субтекст оценки (выражение оценочного отношения автора к старому знанию, к новому знанию и способам его получения); субтекст авторизации (выражение психологического отношения автора к познавательной деятельности, к форме и составу содержания своего текста); а также рассмотренный выше субтекст адресации и др.

Особо подчеркнем, что «расслоение» текста целого произведения на эти субтексты осуществляется как бы «над текстом», поэтому объединение носителей субтекстовых значений имеет континуальный (нечетко

разграниченный) характер, который поддерживается «свободным рассеянием» по тексту. Другое дело, что при едином взгляде на текст эти единицы притягиваются друг к другу в функционально-текстовом отношении. Данные параметры редактирования обеспечивают закрытость и устойчивость этого когнитивного процесса.

Содержание научного текста и монолитно (неслучайно его можно выразить в заглавии), и дискретно, членимо на формально-содержательные отрезки – вплоть до синтагм. Текстовые погрешности, связанные с дискретностью, проявляются в оформлении компонентов текста и их связи. Так, в словосочетаниях нередко «преступается» закон семантического согласования, нарушается управление, допускаются погрешности при составлении композитивных словосочетаний из более простых, появляются избыточные слова, опускаются необходимые уточнения, неточно выражаются те или иные логико-семантические отношения между членами предложения и т.д.

Примеры погрешностей:

– *Разные показатели о представленности прилагательных отражают разные ракурсы количественных параметров* – семантическое несогласование в словосочетаниях *представленности прилагательных, ракурсы параметров*, неправильное управление в словосочетании *показатели о представленности*;

– *Этот признак может иметь несколько разную интерпретацию* – **вместо:** *Этот признак можно интерпретировать по-разному*;

– *Во главу угла должна быть поставлена мысль о том, что...* – **вместо:** *Во главе угла должна быть мысль о том, что...* – нарушено семантическое согласование;

– *Это объясняется особой ролью наглядно-образного мышления у людей, занимающихся художественной росписью и резьбой* – наряду с правильно построенным словосочетанием *конкретности образного мышления уральских мастеров*;

– *Брачные объявления представляют интерес с точки зрения анализа когнитивных механизмов формирования и отражения гендерных стереотипных представлений обычных носителей языка* – семантическое несогласование *с точки зрения анализа*, лучше: *для анализа, в плане*.

Прерывистость мысли и связность речи проявляется в сопряженности «жестких разрывов» и «мягкой связи» компонентов мысли. Эта закономерность охватывает отношения таких законченных текстовых единиц, как предложения, сверхфразовые единства и другие, более сложные единицы текста. Несмотря на определенную самостоятельность этих единиц в тексте, они должны быть соединены, связаны, причем средства связи этих единиц должны точно выражать их логико-семантические

отношения. В противном случае возникают речевые погрешности. Например:

– *Нетрудно посчитать, чтобы соблюсти пропорцию воспроизводящей цепочки, [например – избыточное слово], агроуниверситету потребовалось бы в 2003 году только на стадию разработки конкретных технологий, которая «спрятана» в прикладных исследованиях, около 300 млн рублей. **Совершенно очевидно, что такие условия** могли бы, действительно, генерировать агроновшества...*

Конструкция связи *совершенно очевидно, что* здесь нецелесообразна, так как она выражает логико-семантические отношения основания – вывода, причем в определенной степени сохраняя лексическое значение «очевидности». Однако именно очевидной, ясной связи между этими двумя предложениями нет, тем более что в предшествующем предложении не идет речи об «условиях». Значит, словосочетание *такие условия* лишь формально является обобщающим повтором, по существу же оно является бессодержательным, избыточным и не выполняет функции связи предложений.

– *Один из неоспоримых критериев обоснования парадигм был выдвинут И.П. Сусовым около двух десятилетий тому назад. **Это** философское понимание всякого объекта, с точки зрения научного исследования, как единства трех сторон...*

Такое яркое средство связи самостоятельных предложений, как указательное местоимение *это*, употреблено здесь неуместно, поскольку предложения логически не связаны. Необходимо установить логико-семантическую связь и эксплицировать ее следующим образом: *Около двух десятилетий тому назад И.П. Сусовым был выдвинут один из неоспоримых критериев обоснования парадигм. **Таким критерием** явилось философское понимание всякого объекта научного исследования как единства трех сторон...*

См. аналогично: *В наиболее четкой форме парадигмальные **признаки** современной лингвистики представлены в работе Е.С. Кубряковой. **Это** экспансионизм, антропоцентризм, неофункционализм, экспланаторность – **вместо:** В работе Е.С. Кубряковой в наиболее четкой форме представлены парадигмальные **признаки** современной лингвистики. **К ним** относятся экспансионизм, антропоцентризм...*

Наряду с неточностью выражения логико-семантических отношений между высказываниями выявлена также неправомерно акцентированная связь. Например:

– *Для реализации **указанных** задач были применены **следующие** методы исследования; В соответствии с **указанной** целью в исследовании решаются **следующие** задачи... Эти предложения следует отредактировать: *Для реализации поставленных задач были применены следующие**

методы исследования; В соответствии с целью исследования в работе решаются следующие задачи...

Как показывают наблюдения, глагол *указывать* и образованные от него причастия в полной и краткой форме *указанный*, *указано* излишне широко употребляются в современных научных текстах. Эти лексемы можно считать индикаторами неотредактированного текста.

Монолитность содержания и актуализация, выдвижение, усиление отдельных смыслов посредством акцентирования специальными лексическими средствами, приемами инверсии, повторами и т.п. В этом плане текстовые погрешности также достаточно разнообразны: могут быть неточно употреблены акцентуаторы типа *не только.., но и*; *как.., так и*; допущена нецелесообразная инверсия, употреблены избыточные уточняющие слова.

См. примеры погрешностей:

– *Квантитативные приоритеты существительного подтверждаются как на материале непроизводной лексики, так и производной* – **вместо:** *..на материале как непроизводной, так и производной лексики*;

– *В своем внутричастеречном словообразовании прилагательное и несколько в меньшей степени существительное теряют свою порождающую динамику* – **вместо:** *...в несколько меньшей степени*;

– *Необходимо теперь сделать одну серьезную оговорку, касающуюся аппарата исследования* – **вместо:** *Теперь необходимо сделать... оговорку*;

– *Он приехал в Тамбовскую губернию молодым профессором, здесь провел первые научные практические эксперименты, сформировался как ученый и политический деятель* – **вместо:** *В Тамбовскую губернию он приехал молодым профессором, здесь провел первые научные эксперименты, сформировался как ученый и политический деятель*. В этом предложении потребовалось изменить порядок слов, чтобы достичь семантического параллелизма (см.: *в Тамбовскую губернию – здесь*), а также опустить избыточное слово в словосочетании *практические эксперименты*;

– *Намеченные здесь спорные вопросы современной теории норм и проведенный краткий обзор различных точек зрения по этим вопросам позволяют утверждать о существовании определенной системы в области норм различного типа, описание и уточнение которой одна из первоочередных задач современной лингвистики*.

Рассматривая содержание приведенного предложения, можно провести аналогию с идеологически ориентированными текстами, о которых выразительно пишет К.В. Зуев в кандидатской диссертации «Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX в.»: «При этом сам акт коммуникации протекает посредством волевого действия, с привычными (стандартными) элементами. В результа-

те, живя в мире шаблонов и речевых стандартов, одновременно не воспринимая их, человек оказывается вовлеченным в *бессознательный* акт коммуникации. Использование в речи потерявших смысл и назначение выражений порождает “уродливое” мышление, поскольку... мыслить словарными штампами невозможно. Такое мышление может быть только бессмысленным» [Зуев, 2005, с. 170].

В вышеприведенном предложении легко видеть нецелесообразное употребление малоинформативных уточнений *намеченные* вопросы, *проведенный* обзор, *различных точек зрения*, *о существовании определенной* системы, *норм различного типа*, обилие которых приводит к эффекту «вязкости» речи, т.е. избыточности средств выражения содержания. Отредактированное предложение примет вид:

Краткий обзор точек зрения по вопросам современной теории норм позволяет утверждать, что описание и уточнение системы норм является одной из первоочередных задач современной лингвистики.

Представляется, что именно штампованная, а не контролируемая мысль получила выражение в следующих фрагментах текста:

– Немаловажно отметить и еще один **момент** организационно-методического **характера**;

– Еще одной **проблемой** при изучении системы элокутивных средств языка **является тот факт**, что зачастую тропы и фигуры не употребляются изолированно друг от друга;

– Рассмотрение производного слова... позволило обосновать **понимание феномена** иконичности как важнейшего **направления процесса** семиозиса;

– Возникают различного рода сомнения по поводу **масштаба** приведенной выше **цифры** (нужно: числа);

– Несмотря на **существование** (избыточное слово) социального заказа на исследование юридического функционирования языка, **процесс** (избыточное слово) юридизации языка не осмыслен ни в теоретическом, ни в практическом плане.

Во всех приведенных примерах неточно или нецелесообразно употреблены такие общенаучные слова, или слова широкой семантики, как *момент*, *проблема*, *факт*, *феномен*, *направление*, *существование*, *процесс*, которые в данных контекстах не выполняют информативной (основной для научного текста) функции, проще говоря, являются лишними, избыточными. На наш взгляд, такие предложения требуют пристального внимания при редактирующем чтении текста автором.

Как видим, стремление выделить какую-либо мысль, ее фрагмент, даже какой-либо оттенок вызывает потребность использовать с этой целью специальные средства. Однако, как известно «пишущим» людям, такие языковые средства не всегда «под рукой», или не совсем соответствуют

новому содержанию, или слишком трафаретны и т.д. Иначе говоря, автор отвергает «старое», давно сложившееся и формирует «новое» – посредством связи компонентов «старого» – с целью привлечь внимание читателя. Однако важно помнить, что именно такое «новое» нередко образуется бесконтрольно, поскольку не выражает нового концептуального знания, на которое направлена вся основная мыслительная энергия автора. В связи с этим, можно сказать, периферийные для основного содержания, но важные в коммуникативном отношении (потому и выдвинутые, акцентированные) фрагменты текста также должны подвергаться редактирующему контролю.

Связь «начала и конца, конца и начала» претворяется в оформлении отдельных рече-текстовых единиц (высказываний, равных по протяженности предложению, синтагм в высказываниях, сверхфразовых единств и других, более сложных фрагментов текста целого произведения), в смысловой связи этих единиц и ее экспликации.

Рассмотрим минимальные связанные единства – синтагмы. Погрешности (и даже ошибки) проявляются здесь в нарушении **закона семантического согласования** (например: *Характер продуктов деятельности писателей, поэтов, музыкантов, драматургов должен быть направлен на прославление социалистического отечества; Мыслительная деятельность данного этапа определяется такими категориями, как..; Сознание архитектора подвергается сложнейшим творческим и психологическим процессам; Формированию духовных ценностей призван новый научный журнал; Современная лингвистика обнаруживает неослабевающий интерес к проблеме языкового воплощения внутреннего мира человека; Материал обнаруживает несомненное преобладание средств выражения высокой интенсивности...* (вместо: *материал позволяет обнаружить несомненное преобладание...*).

Погрешности и ошибки, связанные с нарушением **управления** в синтагмах:

– ...что объясняется особой ролью наглядно-образного мышления у людей, занимающихся художественной росписью и резьбой – **вместо:** мышления людей;

– ...что является необходимым условием для создания системного словаря профессиональной лексики – **вместо:** условием создания;

– Полученные результаты позволяют предполагать о наличии общего поэтического идиолекта Серебряного века – **вместо:** предполагать наличие;

– В рекламном тексте необходимо изменить отношение адресата к рекламируемому объекту – **вместо:** посредством рекламного текста;

– Человек общается с другими людьми не в форме отдельных слов и предложений, а в форме текстов – **вместо:** посредством текстов;

- В этом случае не прослеживается **тенденция** английского языка **акцентирования** первого слога – **вместо**: тенденция к акцентированию;
- ...**синхронный подход по отношению к анализу** словарных фиксаций неологизмов-заимствований... – **вместо**: синхронный подход к анализу;
- ...предлагается оригинальный **подход рассмотрения** структуры категории частоты – **вместо**: подход к рассмотрению структуры;
- К данному разделу сделаны следующие выводы – **вместо**: По данному разделу сделаны следующие выводы;
- ...было бы весьма полезно данные таблицы рассмотреть также и **в разрезе национальностей** жителей населенных пунктов – **вместо**: в отношении национальностей.

Когда простые словосочетания (синтагмы) соединяются в предложении, могут возникнуть те или иные погрешности, обусловленные не столько незнанием правил их сочетаемости, сколько невниманием, т.е. психологически. Доказательством служат такие яркие, очевидные случаи тавтологии, которые никак не оправдываются данным контекстом; например:

- В перспективе можно говорить о двух ракурсах рассмотрения проблемы: **с одной стороны, со стороны адресата..., с другой стороны, со стороны адресанта...**;

Основой для лингвистического эксперимента **на основе** лингвистического анализа послужили научные статьи...;

- ...**межтекстовые отношения между** оригиналом и переводом как первичным и вторичным текстами.

Кажется странным, что автор допустил такие плеоназмы: слишком они очевидны. Мы считаем возможным объяснить их появление дискретностью мышления, а дальше – простым невниманием к связи очень близких не только «начала и конца», но и «конца и начала» – тоже очень близких в текстовом пространстве. Синтезирующего, «единого» взгляда на предложение было бы достаточно для того, чтобы обнаружить и исправить оплошность. Как говорится, обидная мелочь.

Действие закона связи «начала и конца, конца и начала» проявляется в семантической и грамматической связи текстовых единиц разной протяженности, но четко членимых и отделяемых друг от друга. Не контролируя четкость дифференциации единиц речи, автор может так синтезировать их, что читатель лишь с большим трудом выберется из силков созданного предложения. Например:

- В качестве материала были использованы результаты психолингвистических экспериментов (Р.п.), проводимых с целью выявления (Р.п.) специфики (Р.п.) осознания (Р.п.) словообразовательной формы (Р.п.) производных знаков (Р.п.) испытуемыми.

Цепочка из 6 существительных в Р.п., причем с зависимыми словами, конечно, непроста для восприятия. В то время как предложение легко упростить, не изменяя смысла:

В качестве материала были использованы результаты психолингвистических экспериментов, проводимых для того, чтобы выявить специфику осознания испытуемыми словообразовательной формы (Р.п.) производных знаков (Р.п.).

Что мы сделали в процессе редактирования предложения? Чтобы избежать скопления форм Р.п. существительных и отграничить синтагмы друг от друга, заменили отглагольное существительное с целью выявления глаголом *выявить*, после отглагольного существительного *осознания* употребили управляемое им существительное *испытуемыми* (Тв.п.), тем самым расчленив цепочку Р.п.

Именно закон связи «начала и конца, конца и начала» действует при наличии причастного и деепричастного оборотов, придаточных предложений определительных, изъяснительных и др., когда разграничение главного и придаточного с необходимостью предполагает их четкую, ясную связь. Приведем примеры нарушения связи:

– Приведем **пример** употребления формы *I believe* в высказываниях второго типа, характеризующих только само отображение, **заимствованный** из работы М. Чарльзуэрта – причастный оборот *заимствованный из работы М. Чарльзуэрта* так далеко отстоит от определяемого слова, что целесообразно оформить его как самостоятельное предложение: Приведем пример употребления формы *I believe* в высказываниях второго типа, характеризующих только само отображение. **Этот пример заимствован** из работы М. Чарльзуэрта;

– **Признаки**, связанные с типом мыслительного процесса и характером данных, привлекаемых субъектом при построении мнения, **введенные в работе О.Н. Селиверстовой**, входят в значение многих глаголов мышления... – редактируется аналогично предыдущему: *Признаки, связанные с типом мыслительного процесса и характером данных, привлекаемых субъектом при построении мнения, входят в значение многих глаголов мышления. Эти признаки введены в работе О.Н. Селиверстовой.* – причастный оборот должен относиться к определяемому слову *непосредственно*. Если это невозможно, произвести замену причастного оборота самостоятельным предложением, которое «прикрепить» к предыдущему предложению целесообразными средствами связи, в частности лексическим повтором (см.: *этот пример, эти признаки*).

Погрешность при использовании деепричастного оборота («школьная» ошибка): **Исследуя** эффект, важным параметром **становится** действительность, то есть сила реакции, эффективность воздействия в виде оценки ус-

пешности/неуспешности деятельности. – **надо:** **При исследовании эффекта** важным параметром является действительность, то есть сила реакции...

Проведенный (избыточное слово) анализ также показал, что характер (избыточное слово) признаков, составляющих означаемое глагола *hold*, и присущая ему стилистическая окраска делают его менее употребительным в современном английском языке (получилось, что причастный оборот *присущая ему стилистическая окраска* поясняет определяемое слово *характер*; см. в контексте: *характер признаков... и присущая ему стилистическая окраска...* – **надо:** Анализ также показал, что **признаки означаемого глагола *hold* и присущая глаголу стилистическая окраска** делают его менее употребительным в современном английском языке.

В заключение подчеркнем, что формирование технологии создания научного текста относится к актуальным задачам прикладной лингвистики. В процессе порождения научного текста нередко возникают речевые погрешности, т.е. отступления от функционально-стилевых норм, обусловленных законом смыслового согласования, формальной линейностью и связностью речи и другими факторами. Эти погрешности можно установить в результате сопоставления конкретного текста с эталонным представлением – конструктом научного текста, выполняющим функцию интерпретативной модели. Совокупность параметров этой модели соотносится с механизмом целостно-композиционного мышления редактора (или автора при совершенствовании своего текста). Для редактирующего чтения особенно важным представляется именно целостно-композиционное мышление, обеспечивающее эффективную редакторскую деятельность по гармонизации содержания и формы научного текста.

Литература

1. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.
2. Зуев К.В. Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX в.: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.
3. Котюрова М.П. Когнитивно-функционально-стилистический подход к культуре письменной научной речи // Стереотипность и творчество в тексте. По материалам Междунар. науч. конф. (Пермь, 5–7 октября 2005 г.). Пермь, 2005. Вып. 9. С. 120–127.
4. Котюрова М.П. Культура научной речи: Текст и его редактирование: учеб. пособие. Пермь, 2007.
5. Котюрова М.П. Культура письменной научной речи: стереотипность и творчество в тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2004. Вып. 7. С. 219–233.
6. Котюрова М.П. Научный текст в культурно-речевом пространстве: тенденция к лаконизму // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005. Вып. 8. С. 194–204.
7. Котюрова М.П. Принципы функционально-стилевого редактирования научного текста // Stylistyka. Ополе, 2005. Т. XIV. С. 365–381.